

ИСТОРИЯ – ЭТО ВСЕМИРНЫЙ СУД

Неучи любят повторять циничную фразу: «История учит тому, что она ничему не учит». Прекрасный повод ничему не учиться!

Одни отважные лентяи приписывают эту сентенцию Гегелю, другие – Махатме Ганди

ЧТО СКАЗАЛ ГЕГЕЛЬ

Давайте не поленимся и вспомним, что действительно сказал Георг Вильгельм Фридрих Гегель: «Хотя можно сказать, что примеры хорошего возвышают душу и что их следует приводить при нравственном воспитании детей, чтобы внушить им превосходные правила, однако судьбы народов и государств, их интересы, состояние и переживаемые ими осложнения являются иною областью. Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В су-толоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего. В этом отношении нет ничего более нелепого, как столь часто повторяемые ссылки на греческие и римские примеры в эпоху французской революции. Нет ничего более различного, как природа этих народов и природа нашего времени».

О «системном переносе» опыта одной страны на территорию другой не может быть и речи. Все народы мира живут так, как сами хотят жить. Экономические системы, особенно передовые и социально эффективные, не копируются

История – не учитель. И не каталог человеческих ошибок и заблуждений. История – это всемирный суд. Суд, который выносит приговор по фактам результатов развития народов, стран и государств, а не по намерениям и обещаниям их лидеров.

Все народы мира живут так, как сами хотят жить. Экономические системы, особенно передовые и социально эффективные, не копируются. «Изучение опыта» других стран – дело неблагодарное. В начале 90-х годов XX века, когда мы всерьез взялись за рыночное реформирование, меня смешили публикации в научных журналах на тему приемлемости для России арген-

тинской, китайской, шведской, германской и прочих «моделей» развития. Увы, чтобы развиваться по-шведски, надо быть шведами, а по-китайски – китайцами.

Естественно, изучать чужой опыт необходимо, можно даже перенимать некоторые технико-технологические достижения, использовать открытые в других странах функциональные зависимости. Но уже управленческие приемы и инструменты, системы менеджмента на микроуровне и тем более на макроуровне требуют глубокого изучения национальной специфики. Ведь то, скажем, японцу благо (система пожизненного найма, например), то американцу – смерть, а шведам с их системой «солидарной заработной платы» – и вовсе фантастическая экзотика.

О «системном переносе» опыта одной страны на территорию другой не может быть и речи. В свое время вся военно-политическая мощь Советского Союза не позволила унифицировать социально-экономические системы стран «социалистического лагеря». Советская централизованно-плановая система сильно отличалась от «рыночного социализма» Югославии, «кооперативной специфики» Венгрии, северокорейской модели «опоры на собственные силы». А рыночные системы столь разнообразны, что от «опыта» могут глаза разбежаться, и вполне возможно упустить собственную экономическую и управленческую историю и бездумно отказать от нее.

При всем уважении к дарвинизму, я предпочитаю во всех живых организмах, в том числе экономических, искать исторические корни, генетические связи между явлениями. Признавая, что в природе и в обществе существует диалектическое единство изменчивости и наследственности, я вижу, что генетические связи более прочны и долговременны, что изменения на генетическом уровне происходят или очень медленно, веками и тысячами, или – катастрофически. Социально-экономическая история многократно и многообразно свидетельствует о прочности генетических связей.

Проверим на фактах истории двух великих народов. В последние годы мы здесь, в России, остерегаемся бесшабашно сравнивать нашу социально-экономическую систему с главным (по нашему мнению) мировым соперником – США. И правильно делаем!

СТРАНА, ОБРЕЧЕННАЯ НА УСПЕХ

Соединенные Штаты – страна, рожденная на «пустом месте» (индейцы *de facto* не участвовали в генезисе современной экономики США), были обречены на победу либерализма и индивидуализма в экономике.

В XVI-XVIII веках на территории нынешних Соединенных Штатов складывались такие исторические «случайности», которые неминуемо привели к быстрому

продвижению к индустриальной цивилизации в самой прогрессивной для того времени социальной форме.

Важнейшей «случайностью» стало то, что Америка оказалась страной, насыщенной природными ресурсами. Здесь, действительно, есть все. США – страна (одна из немногих), которая вполне может развиваться при автаркии.

Север Америки в XVI веке начали колонизовать англичане, выходяцы из страны, в которой феодализм к этому времени исчезал. Англия превращалась в страну капиталистическую, и англичане несли на новые земли новые производственные отношения, буржуазные, с их культом свободы предпринимательства, риска, эгоизма и личного успеха. Немаловажно и то, что в Америку эмигрировали европейские протестанты, не отягощенные культом бедности и покорности.

Относительно высокая квалификация работников-иммигрантов и их длительно сохранявшийся дефицит приводили к относительно высокой стоимости наемной рабочей силы. А это, в свою очередь, способствовало научно-техническому прогрессу, желанию молодого американского промышленного бизнеса экономить на трудовых издержках и заменять живой труд рабочих функционированием машин и механизмов.

Америка представляла собой территорию с благоприятным для сельского хозяйства климатом. Двухсотлетнее продвижение колонистов на Запад, освоение плодородных земель в форме семейного фермерского хозяйства создавало особый дух самостоятельного товарного хозяйствования и в аграрной сфере. Что касается рабовладельческого Юга, то это – один из потрясающих парадоксов экономической истории США. На территории одной страны причудливо сочетались самые передовые институциональные формы капиталистического производства и – самое оголтелое рабовладение. Плантационное хозяйство Юга основывалось на монокультурном хозяйстве преимущественно экспортной ориентации. Табак, рис, индиго и, наконец, главная культура – хлопок не требовали высокой квалификации рабочей силы. Дорогие рабочие промышленных зон Северо-Востока не могли стать источником трудовых ресурсов для Юга. К тому же наличие «свободных зе-

мель» на Западе, относительная легкость и дешевизна их освоения затрудняли привлечение какой-либо иной рабочей силы, кроме рабской. Рабство Юга сыграло значительную роль в росте богатств американской буржуазии, во-первых, и в снабжении американской промышленности дешевым сырьем, во-вторых.

Наконец, великий закон Гомстед-акт, вовремя принятый и подписанный 20 мая 1862 года президентом Авраамом Линкольном. По этому закону любой желающий мог за символическую плату в 10 долларов купить, а на самом деле – получить у государства гомстед, то есть участок земли в 160 акров, почти 70 гектаров. Это было радикальное решение фермерской проблемы. За 20 лет после принятия акта в руки фермеров перешло практически бесплатно 65 миллионов акров земли. Более миллиона семей стали фермерами. После победы Севера в Гражданской войне и отмены рабства окончательно решился вопрос о том, как развиваться сельскому хозяйству Америки. Фермерский путь развития победил. Фермер в Америке был не арендатором, а собственником земли, ведь он купил землю у штата. Поэтому он никому не платил земельной ренты, самого паразитического дохода в рыночной экономике. Это обстоятельство в целом увеличивало рентабельность фермерских хозяйств и позволяло делать накопления для инвестиций и расширения производства. Гомстед-акт благоприятно сказался и на положении наемных работников в промышленных зонах восточных и северо-восточных штатов. Ведь при дефиците рабочей силы предприниматели вынуждены были создавать относительно благоприятные условия труда и быта рабочим, у которых появилась возможность стать фермером практически бесплатно. Или, по крайней мере, продемонстрировать готовность стать фермером. Отсюда и появилась американская традиция относительно высокой оплаты труда.

РОССИЯ: ИНОЙ ПУТЬ

Нет смысла завидовать американцам. Исторически им повезло больше, чем нам, россиянам. Понимание того, что американский опыт уникален, что нам никогда не стать американцами, должен заставить нас больше думать о том, как нам совершенствовать свою не менее уникальную систему. В отличие от Соединенных Штатов, Россия всегда была отягощена прямым и косвенным влиянием нерыночных отношений и связей – общинностью, соборностью, монархическими устремлениями в политике и – самое главное – гипертрофированной ролью государства в экономической жизни.

Сколько раз в нашей стране начинались рыночные реформы! И ни разу (ни разу!) мы не завершали преобразования системным формированием рыночной экономики. У нас даже предпринимательский старт в обществе возникал с разрешения, под влиянием и по настоянию власти.

Чтобы построить в системном виде рыночную экономику, россиянам все время приходится что-нибудь преодолевать: в XIX и начале XX века косность и рутинность феодальных и полуфеодальных отношений, технико-технологическую и организационную отсталость, элементарную неграмотность; в наши дни – наследие советской эпохи, генетически закрепленную на-

дежду на мощь государства и мудрость государя.

«Государственная экономика» в России – явление непреодолимое. Государство в России – это не просто «политическая надстройка» и публичная власть. Государство в России всегда было и остается основным инвестором, самым активным инноватором и мощной перераспределительной машиной, функционирующей в мобилизационно-распределительной системе. Когда государство занимает слишком много места на экономическом пространстве, свободному рынку приходится ужиматься. Бессмысленно спорить – хорошо это или плохо. Надо, наконец, понять – мы живем по-другому! Мы так жили 1200 лет. Мы хотим жить так! И чем скорее мы восстановим, естественно, на новом витке исторической спирали государственные, а точнее вождистские, взаимоотношения между народом, бизнесом и государством, тем скорее мы сможем встать в одну шеренгу великих (а не просто больших!) народов и стран.

Рифат ГУСЕЙНОВ

Перепечатка из журнала
«Совет директоров Сибири»,
2010, № 5 (56), с. 6–7